

Типология переключения кодов на примере русско-финских и нганасанско-русских языковых контактов

Larisa Leisiö

University of Eastern Finland / University of Tampere

Исследователей в области языковых контактов давно привлекают случаи соединения двух языков в одной и той же ситуации, разговоре, фразе, а иногда и словоформе. Об этом и данная статья.

Больше 20 лет назад П. Ауэр предложил типологию развития языковых контактов от переключения кодов к смешению языков (Auer 1998). В дальнейшем Ауэр уточнил и дополнил ее (Auer 2013). Я изложу основные положения типологии Ауэра и рассмотрю в свете этой типологии русско-финские и нганасанско-русские контактные языковые явления на основе отрывков спонтанной речи издавна живущих в Финляндии русских и коренного народа Таймырского полуострова — нганасан. Цель анализа примеров состоит в том, чтобы определить положение рассматриваемого материала в типологическом континууме и осмыслить степень стабильности и направление развития того или иного явления. На основе анализа я детализую некоторые положения схемы Ауэра.

Материал исследования извлечен из неформальных интервью¹, проведенных с целью изучения речи и истории финляндских русских, живущих в Финляндии иногда во втором-третьем поколении. Интервью проводились в 1980–1990 гг. в рамках двух проектов Академии Финляндии под руководством Марьи Лейнонен (подробнее см. Leisiö 2001: 16, 32–40). Нганасанский материал собран во время полевой работы на Таймыре.

1. Переключение кода и другие языковые контактные исследования

О языковых контактах говорят, когда два и более языков соединяются и действуют в одном человеке и в многоязычном обществе. Обширный материал из области языковых контактов зафиксировали и издали Уриэль Вайнрайх (Weinreich

---

¹ Неформальным называется социолингвистическое интервью, не имеющее строго спланированного сценария (Беликов, Крысин 2015, 216).

1967[1953]) и Эйнар Хауген (Haugen 1956). Их работы вызвали огромный интерес и дальнейшие исследования в этой области.

Особое внимание получило использование более чем одного языка в речи билингвов в одной и той же ситуации. Это явление называют *переключением кода* в широком смысле слова. Если употребление обоих языков привычно и стабильно в обществе и большинство его членов владеют обоими языками, переходы с одного языка на другой в одном и том же разговоре являются скорее нормой, чем исключением. На языковом материале долговременных двуязычных сообществ сделано большое количество исследований в области грамматики переключения кода.

Изучая переключение кодов в испанско-английской речи в США, Шана Поплак (Poplack 1979/1980) обнаружила стабильные модели переключения с одного языка на другой и определенные грамматические правила, по которым происходит переключение. Она предложила два ограничения (*constraint*), эквивалентности и связанной морфемы, на переключение кода: в месте переключения структура Я1 эквивалентна структуре Я2; переключение невозможно внутри лексемы на границе связанных морфем (например, приставка, суффикс).

Лингво-структурные изыскания Поплак получили продолжение в работах многих последователей (напр., Woolford 1983, Di Sciullo et al. 1986, Halmari 1993). Вопрос о возможных значениях переключения кода с точки зрения говорящих не рассматривается в структурных исследованиях. В одной из первых работ по грамматике переключения кодов Кэрол Пфафф (Pfaff 1979) противопоставляет грамматичное (то есть соответствующее грамматическим моделям обоих языков) переключение функциональному. Эта точка зрения по умолчанию присутствует в большинстве грамматических исследований переключения кодов. Говорящие, спонтанно переключающиеся с одного языка на другой, считаются свободно владеющими обоими языками билингвами, например: «[W]e limit this study to code switching by fluent bilinguals». [Мы исследуем переключение кодов в речи билингвов, в совершенстве владеющих обоими языками] (Belazi et al 1994: 222).

Таким образом, грамматика переключения кода по умолчанию распространялась на двуязычную речь «сбалансированных билингвов», а остальные могли смешивать языки как угодно. Тем не менее, чем больше двуязычного материала попадало во внимание исследователей, тем больше находилось исключений из уже установленных ограничений. Сам термин *ограничение* вызывал сомнение и предлагалась замена на *тенденции*.

К. Майерс-Скоттон (Myers-Scotton 1993) предложила *модель матричного языка* (Matrix Language-Frame Model). Согласно этой модели, для говорящих один из языков является основным, или матричным, и при переключении кода язык-наполнитель заполняет содержанием грамматические матрицы-схемы. Таким образом, переключение кода всегда происходит по законам матричного языка. Од-

нако бывают случаи, когда матричный язык и язык-наполнитель меняются местами (language turn over) (Myers-Scotton 1998).

Параллельно с грамматическими исследованиями переключения кодов и отдельно от них набирали силу этнометодология, этносоциология и этнолингвистика, — направления, которые изучают общение с точки зрения самих участников общения и речевую деятельность в связи с другими видами деятельности людей, в ходе которых они сообща сознательно создают инструментарий выражения значимых для них смыслов (Garfinkel 1967/1989, Sacks, Schegloff & Jefferson 1974, Sacks 1992, Hymes 1972 и 1973).

Ауэр одним из первых применил анализ разговора² в исследовании переключения кодов в монографии *Bilingual conversation* [Двуязычный разговор] (Auer 1984).

Этнометодологическое и лингво-структурное направления важные, но не единственные в изучении переключения кодов. Например, Ховард Жиль (Giles, Coupland and Coupland 1991) объясняет переключение кодов в рамках своей теории *коммуникативной аккомодации*. Он предлагает когнитивно-социальные обоснования переключения кодов: говорящий уменьшает или увеличивает психологическое расстояние между собой и другими участниками разговора.

Таким образом двуязычие и его проявления в речевом общении — это интереснейшая и в историческом разрезе достаточно новая тема в лингвистике и связанных с ней прикладных науках. Тема эта по-прежнему вдохновляет исследователей на новые и новые изыскания. Обилие материала нуждается в классификации, в обобщении, которые и предлагает П. Ауэр в типологии языковых контактов.

2. Типология языковых контактов

Соединение элементов разных языков в разговоре — явление подвижное, выступающее во множестве различных вариаций. Некоторые случаи соединения повторяются от ситуации к ситуации и стабилизируются. Таким образом, мы имеем дело с процессом и одновременно с результатом его развития. Ауэр (Auer 1998/1999; 2013) соединил процесс и результат в типологической схеме развития языковых контактов от переключения кодов к смешанному языку.

Основные термины, нужные нам для объяснения типологии, — это:

- переключение кодов в широком и в узком смысле слова;
- вкрапление (insertion);
- островной фрагмент Я2 в Я1 (внутри этого фрагмента действуют законы Я2);

---

² Этот раздел исследований также называют в русскоязычной научной литературе *конверсационным анализом*, используя таким образом фонологическую и словообразовательную адаптацию английского *conversation*.

- матричный язык (основной язык общения) и язык-наполнитель (вкрапления и фрагменты этого языка подчиняются грамматике матричного языка);
- альтернация языков (language alternation);
- смешение кодов (code mixing);
- новый смешанный язык (mixed language), сложившийся в результате слияния языков (language fusion).

Один из самых распространенных видов переключения кодов в широком смысле — это языковое вкрапление (insertion). Вкрапление можно определить как краткий переход с основного, матричного языка в данной ситуации (Я1) на другой язык (Я2); составляя одно слово или группу слов, вкрапление не выходит за рамки одной семантико-грамматической структуры. В случае вкрапления место возвращения на основной язык всегда предсказуемо.

На схеме 1 представлены основные этапы типологического континуума в процессе языковых контактов на основе типологии Ауэра (Auer 1998/1999; Auer 2013)

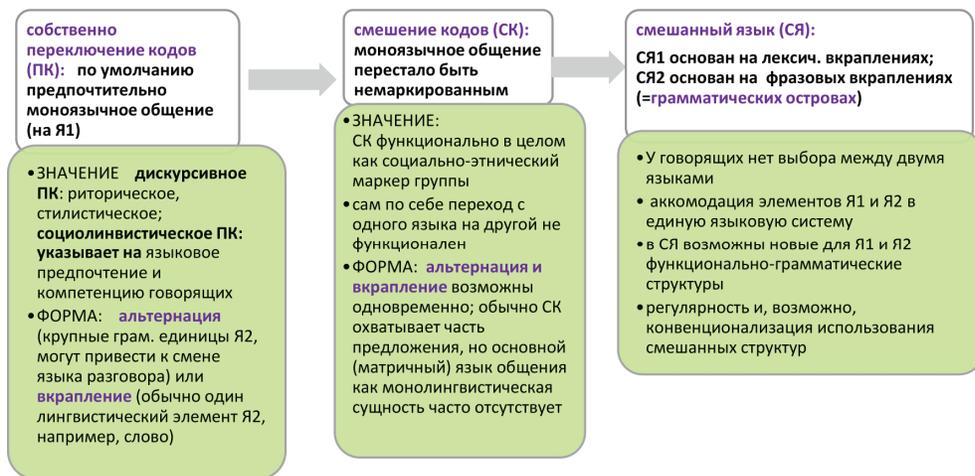

Схема 1. Типологический континуум языковых контактов

Первый этап в рассматриваемом типологическом континууме — это собственно переключение кодов, или переключение кодов (ПК) в узком смысле. На этом этапе языки значимы как языковые коды с точки зрения участников ситуации. Каждый случай переключения кода в разговоре имеет определенную функцию в контексте разговорной ситуации. Это значение индексирует какой-либо аспект ситуации или характеризует участника ситуации. При собственно переключении кодов участники ситуации считают нормой употребление одного языка в одной и той же

ситуации. Систематический детальный анализ разговорного переключения кодов позволяет исследователям обобщить значение перехода на тот или иной язык. В двуязычном разговоре говорящие могут использовать два языка, например, в тех целях, в которых в одноязычном разговоре используются разные стили и жанры. Переключение кода является средством контекстуализации (Gumperz 1982), наряду, например, с просодией, взглядом, жестом, позой.

Как переключение кодов можно объяснить с точки зрения участников разговора? Например, говорящий может замяться перед словом другого языка, озвучив заминку маркерами hesitation (*эээ, мхм* и т. п.), или отступив от темы разговора, прокомментировать последующее действие — сказать, что забыл слово или выражение на основном языке разговора, или вслед за этим произнести эквивалент *вкрапления* на основном языке. Такое переключение кода связано с языковой компетенцией, а именно с оценкой языковой компетенции самими участниками разговора. Иногда переход на другой язык связан с компетенцией других участников разговора: говорящий переходит на другой язык, чтобы его лучше понял собеседник. Функция переключения кода может быть связана со структурой дискурса (см. пример 3). Билингв может использовать оба языка там же, где одноязычный использует разные стили и регистры, чтобы точнее выразить свою мысль и обозначить предназначенность своих слов определенным участникам коммуникативной ситуации.

Собственно переключение кодов может в ходе развития языковых контактов перейти в следующую стадию, называемую смешением кодов. На этом этапе переключение с языка на язык теряет интерпретационные функции в отдельной коммуникативной ситуации.

Почему переключение кодов теряет свою функцию? В подходящем социально-временном макро-контексте билингвы интенсивно употребляют оба языка в речи. Такое смешанное употребление повторяется от одной ситуации к другой и таким образом стабилизируется. Когда оба языка систематически используются параллельно, сам факт смены языков от частого использования перестает быть заслуживающим внимания средством выражения определенных значений; так метафора в результате частого использования стирается и перестает быть метафорой.

Билингвы свободно переключаются с языка на язык, так что момент перехода невозможно предугадать. Переворот или смена матричного языка (*matrix language turnover*, Myers-Scotton 1998) может происходить много раз и в конце концов само понятие матричного языка теряет смысл. Для самих билингвов такой дискурс может стать эмблематичным кодом, маркером определенной социальной группы, необязательно этнически однородной. Внутри двуязычного кода возможны постоянные схемы, в которых один язык отмечает определенную структуру в нарративе или определенный этап в разговоре, но эти схемы не варьируют, а повторяются от одной ситуации к другой. Например, в Лондонском сообществе иммигрантов

с Ямайки на Лондонском ямайском передают основной смысл, в то время как эмфаза и комментарии произносятся на Лондонском английском (Sebba & Wootton 1998). Кроме языковой альтернации, на стадии смешения кодов могут одновременно употребляться и вкрапления.

Смешение кодов может в определенном языковом сообществе развиваться в смешанный язык. В этой последней фазе мы уже не можем говорить о двух языках, — это новый язык, созданный на основе двух языков, в котором вырабатываются новые грамматические правила и новые языковые структурные схемы, которых нет ни в одном из базовых языков. Из двух языков рождается третий язык³. Для этого этапа характерно отсутствие у говорящего выбора между Я1 и Я2, а также то, что элементы языков Я1 и Я2 получают новые функции, которых эти элементы не имеют ни в Я1, ни в Я2.

В смешанном языке (СЯ) конечный результат определяется предшествующим процессом. Если происходили, в основном, короткие языковые вкрапления в виде лексических основ Я1 в Я2, то конечным результатом становится релексификация⁴ (СЯ1). Примерами такого смешанного языка с релексификацией могут служить медиаленгва⁵ и англо-румынский (Boretzky & Iglá 1994). Если в процессе контакта важную роль играли островные фрагменты, сохраняющие свою грамматику, то в результате смешанный язык сохраняет грамматические элементы обоих языков-источников, типично разделяющиеся между именными и глагольными классами.

Классическим примером такого смешанного языка стал мичиф, родившийся в общении внутри смешанных семей франкоязычных мужчин и индийских женщин Кри в Канаде. В мичифе именная группа на всех языковых уровнях (лексика, фонология, синтаксис) устроена согласно языку кри, а глагольная группа следует закономерностям французского языка (Bakker 1997).

Язык алеутов острова Медный основан на разной грамматической основе имен и глаголов далеко не так последовательно, как мичиф (Golovko 1994; 2003).

Ауэр предполагает, что единственно возможное с точки зрения языкового сообщества направление развития — от переключения кода к смешению языков; движение в обратном направлении едва ли возможно. Другими словами, развитие с переходом от одной стадии к другой представляет собой **необратимый однона-**

---

³ Для упрощения ситуации я говорю здесь о двух языках, хотя языковые контакты часто включают более двух языков.

⁴ Релексификацией называют процесс и результат замены всей или большей части лексики языка-реципиента лексикой языка-донора в ходе языковых контактов (напр. Thomason 2001: 89–91).

⁵ Медиаленгва — смешанный язык, основанный на языках кечуа и испанском. На медиаленгва говорят несколько сотен представителей этнической группы индейцев кечуа в Центральном Эквадоре. (Muysken 1981; Thomason 2001, 2003; Вахтин, Головко 2001: 154.)

правленный континуум, однонаправленный в том смысле, что его нельзя повернуть вспять. *Континуум* означает постепенное перетекание из одного типа в другой, отсутствие четкой границы между соседними стадиями.

Смещение кодов и переключение кодов различаются тем, что переключение кодов имеет значение с точки зрения собеседников, а в фазе смешения языков такого значения выделить нельзя. Тем не менее, возможно, признаки обеих фаз, переключения кодов и смешения кодов могут появиться в одной и той же ситуации у одного и того же говорящего. Таким образом, указанные фазы языковых контактов могут быть частями одного и того же динамического процесса. Для смешения кодов, как и для переключения кодов, характерна вариативность, а для смешанного языка — стабильность.

Ниже я проанализирую явления контактного континуума в речи русскоговорящих, живущих в Финляндии, и в речи инганасан, малого северносамодийского народа, язык которого находится в стадии исчезновения.

3. Анализ. Финляндские русские

Материал исследования извлечен из неформальных интервью, записанных от финляндских русских, живущих в Финляндии постоянно, иногда во втором или третьем поколении. Интервью проводились во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов, в рамках двух исследовательских проектов, возглавляемых Марьей Лейнонен и финансируемых Академией Финляндии (подробнее см. Leisiö 2001, 16: 32–40).

Пример 1 (неформальное интервью, в котором участвуют две сестры C1 & C2 из красноселов (см. сноску в примере 4), примерно 40 лет, интервьюер И — молодая женщина, студентка магистерского уровня, хорошо говорящая по-русски)

01C2 ↓ *meidän kanssa, mutta kyl se mummun kans puhuu;*

с нами, но с бабушкой она говорит

02C1 *pakko puhuu,*

приходится говорить

03C2 ↓ *niin,*

да

04C1 *kun äiti ei puhu sen kans muuta kun venäjää niin se on pakko silloin.*

ведь мама говорит с ней по-русски, тогда (и нам) приходится

05И *joo, joo ↑ no*

да-да, ну,

06C2 *начинай ты*

Сёстры говорят по-фински в неофициальной части разговора (строки 01–04), до начала интервью, во время которого, как условлено заранее, говорят по-русски. Своим выбором языка говорящие показывают, что предпочитают в обыденных

ситуациях говорить по-фински и только особый случай побуждает их перейти на русский язык (06), после того как интервьюер дает сигнал, что начинается запись (05). В строке (06) происходит переключение кода — альтернатива, ведущая к смене языка общения. Таким образом, переключение кода показывает языковые предпочтения собеседников.

Пример 2 (Н — старая женщина, И — интервьюер, женщина средних лет, обе они потомки нескольких поколений Финляндских русских, М — знакомый Н, финн, говорит по-русски) смотрят старые фотографии:

- 01Н --- другой сын, этот ээ *mxm* М. ((фамилия)) Андрюшка, *Kostin veli*_{Костин брат}
 02 *kato*_{смотри}.
 03М *mxm*
 04Н *ku oli — istus mun takana ja*_{он ведь был — сидел за мной} РЕШАЛ МОИ ЗАДАЧИ ВСЕ КОТО-
 рые я не умела ничего,
 05 и учитель всегда говорит
 06 НО Н. ((фамилия)), что написано на *riffelitaulu*_{грифельной доске}. ЭЭЭ Я СТОЮ КАК ЭЭЭ
 истукан.
 07 задачи-то у тебя все — верные, а ты *hhhh* ((смеется)) ничего, я не смела сказать
 08 >>*no em-mä sentää — koskaan jälkeen [jääny em-mä nyt niin tyhmä ollu*
 (ускоренно) ну на второй год я никогда не оставалась, не такая уж я была глупая
 09М [*mxm*
 10Н *mut kyl mä aika tyhmä olin*<<_{но все-таки довольно глупая}
 11М [*mxm*
 12Н [↓да-а

Н. переходит на финский на имени *Kosti* (строка 01). Это имя — финская форма имени Константин. По своему внешнему облику форма генитива *Kosti-n* 'Кости, Костин' совпадает с русским притяжательным прилагательным. Подобные формы, совпадающие в обоих языках, нередко образуют своего рода мост между двумя языками, смягчая границу перехода. Билингвальная форма *Kostm-un* [= *Kosti-n.GEN*] — грамматически удобная точка для перехода на финский (ср. Meyer-Scotton, 1992: 35 ссылка 14, также Clupe 1967, 2003). Кляйн называет их *двуязычными омофонами*.

Одно и то же действие часто отмечается несколькими маркерами. Это явление называется избыточностью (*redundancy*). Избыточность — двойная кодировка одной и той же информации — в целом свойственна человеческой речи (Auer 1992: 29f). Избыточный сигнал смены реципиента от И. к М., в дополнение к мене кода, — это обращение *kato* 'смотри' (строка 02). Переключение кода имеет двойной смысл: оно маркирует смену реципиента (относится к участникам) и отклонение от основной темы (относится к дискурсу). В целом основной реципиент Н. на протяжении всей встречи — это И., которая пришла, чтобы послушать рассказ Н., и по этой причине

состоялась сама встреча. Однако время от времени Н. обращается к М., например, упоминая общих знакомых, как в строке (01). При этом она переходит на финский, обычный язык общения с М., и (очевидно, глядя на М.) говорит *kato* «смотри!», привлекая его внимание (02).

М. коротко отвечает (03), подтверждая свою новую роль главного реципиента и адресата обращения. Именно это короткое междометие помогает нам толковать значение мены кода как сигнал смены основного реципиента, так как участник беседы М. подтверждает это значение. Переход на русский (04) маркирует возвращение к языку, предпочитаемому в данной ситуации, однако Н. вставляет на русском и финском микро-рассказ о «Kostin veli».

Вкрапление *riffelitaulu* «грифельная доска» (строка 06) не содержит никаких функциональных коммуникативных признаков, которые позволили бы определить его значение в разговоре. Значит, никакой коммуникативной нагрузки оно не несет и, таким образом, относится к смешению кодов. Озвученную паузу, следовавшую за вкраплением, ээ, можно бы трактовать как инициацию исправления (англ. *repair initiation*), то есть говорящая отметила и дала понять собеседникам, что предшествующее слово следовало бы сказать по-русски, однако полной уверенности в правильности такой трактовки нет, так как озвученные паузы, похоже, являются частью стиля речи Н. (ср. вторую такую паузу в той же строке). Совершенно естественно, что смешение кодов начинается с существительных: они называют предметы и явления действительности, и их прагматически удобно называть на том языке, на котором они чаще всего фигурировали или фигурируют в жизни билингва. Н. училась в финской школе и ей естественно назвать школьные предметы по-фински.

Еще одно переключение кода (08–10) маркирует заключение этого минирассказа. Вся сказанная по-фински фраза образует оценочную коду, то есть заключительную оценку в структуре нарратива (Labov & Waletzky 1997). Таким образом, функция мены языка — обозначение завершения темы и выделение финальной нарративной структуры. Н. (12) заключает тему переходом на основной язык беседы. Закрывание темы отмечено также и нисходящим интонационным контуром (↓).

Пример 3 — отрывок из неформального интервью, включающий рассказ кюрольской русской (р. в 1930-е годы), то есть уроженки деревни Кюурола (Красное Село) на Карельском Перешейке в 50 км от Выборга; жителей Карельского Перешейка эвакуировали во время зимней войны (с 1944 года территория принадлежит Российской Федерации)⁶. Рассказчица окает, как обычно в северных диалектах, по-

---

⁶ Кюрольские русские — носители северного русского диалекта, который их предки — крепостные графа Чернышева, Выборгского губернатора, привезли еще во времена Старой

этому *o* и *a* отмечены в ее произношении. Подчеркнутые слова интонационно выделены. Кроме рассказчицы Д., в разговоре участвуют ее мать М и интервьюер (см. пример 1).

- 01 Д да, Т.[ж. имя] придет, и возьмёт, то *kilo so-* килограмм са[хару] а ЭТЫ *myyjä-t* продавец-ы всегда смотрят,
 02 *hoj-joj-oi-oi-oj* бут скажут как нам ма- *saada stemmaamaan ne kaikki!*
 отчитаться за них за всех [за продуктовые талоны]
 03 што *viite-* пять-
 04 Д [так как без карточки.
 05 М [а сказали бы не надо не бери!
 06 Д а оне — оне так, оне так КА::КИ всякие там, сбива/↑ют,
 07 всякие как *tiikerikakku* тигровый кекс вроде такие два. им надо ↓сахару!
 08 им надо му↓ки! им надо всёво! оне наберут наберут, чисто так как,
 09 прямо в лавку ты как щас придёшь. ((М: мхм)) а мы им как же?
 10 что ж мы им могём говорить? (М: мхм) ((М. вздыхает)) да а так было!
 11 а потом, потом этот Алька, он был Александр Р. этот, *myymälän-to*
hoitaja, управляющий магазином
 12 *meidän kyyröläisiä* из наших кюрольских. и этот, он потом, вот так, очень, *jää*
vaille остается внакладе. *totta kai!* еще бы!
 13 *jää vaille* ЭТЫ *kuponkeja!* у него недостача этих [продуктовых] карточек И ВОТ ПОТОМ ОН,
 где бы? где бы? потом от Красновых
 14 вот, эт- Таня Краснова ((имена заменены)). на скат((=надо сказать)) Таня,
 принеси
 15 мне сколько-нибудь купонов.

В своих рассказах Д. использует смешанный русско-финский регистр (стиль), в котором финские фразовые вкрапления сохраняют финскую грамматику и вдобавок интегрируются в русскую речь. Переключение на финский иногда имеет определенную дискурсивную функцию, например, в строке 02 переключением выделена чужую речь — речь продавцов: «*hoj-joj-oi-oi-oj* бут скажут как нам ма- *saada stemmaamaan ne kaikki!*» ‘Ой-ой! Как же нам теперь отчитываться них за всех [продуктовые талоны]’⁷. Переключение маркирует не всю прямую речь целиком,

---

Финляндии (до 1809 г.) на Карельский перешеек (их привезли для заселения брошенных финнами деревень). Рассказчица уехала из Кюурола ребенком, училась в эвакуации в шведской школе (в Финляндских шведских местах — в Кемие), подробнее см. Leisiö (2001: 32–39).

⁷ В Финляндии во время и после советско-финских войн (Зимней войны и Войны-продолжения) продукты покупали по продуктовым талонам и количество проданных продуктов должно было соответствовать полученным талонам.

а происходит на информационном фокусе — инфинитивной глагольной группе *saada stemmaamaan ne kaikki* «сделать так, чтобы они все совпадали». Таким образом, функция переключения кода ориентирована на информационную структуру высказывания: переключение выделяет фокус на фоне топика. Ту же функцию можно обнаружить в строках 11–12: в них повторяется фокус *jää vaille*. В строках 10–11 при помощи переключения на финский выделяется комментарий (*muumälän hoitaja meidän kuuyroläisiä*) на фоне развития сюжета рассказа. Функция переключения кода здесь — различение структур нарратива.

Д. на протяжении всего рассказа использует финские вкрапления, по форме островные вкрапления, целые грамматические структуры, как в строке 01: «эты *muujät* всегда смотрят», где выделен субъект, номинативная группа во множественном числе *muujät* 'продавцы'. Примечательно, что грамматические слова и вообще слова закрытых классов взяты из русского языка и являются своего рода языковым контрастом к финским лексическим словам: в именной группе генетива *muumälä-n* с номинативом: *muumälän-mo hoitaja* 'управляющий-то магазином'. Частица *-mo* выделена на фоне полнозначных слов. Тот же прием повторяется в строке 12: «*jää vaille* эти *kiponkeja*», где местоимение *эты* использовано в функции определенного артикля. Оно выделено метаязыковым способом на фоне финских слов. В строке 05 заимствование *кака* 'торт', во множественном числе *каки*, отличающее язык русских, давно живущих в Финляндии, переключается с финским сложным словом (строка 6) *tiikerikakku* 'тигровый кекс'.

Мы рассмотрели примеры переключения кода между русским и финским в речи русских, издавна живущих в Финляндии. Далее перейдем к анализу нганасанского материала.

4. Анализ нганасанского материала⁸

Нганасане — коренной северносамодийский народ полуострова Таймыр. Их традиционное занятие, оленеводство, исчезло с гибелью оленей в 1980-х годах. Когда-то бывшие кочевниками, нганасане живут оседло. Их язык находится на грани исчезновения.

Пример 4⁹ (2003 г.) Начало рассказа, выбор языка (пожилая нганасанка Х, исследователь И)

- 01 Х тогда (.), тогда мы, маленькие были; там, Пяси́на-река,
02 или *ñaaviäditäni*_{по-нганасански}, или по-русскому,

⁸ Дата записи указана после примера.

⁹ Фонетические особенности русской речи не переданы в литтерации.

03 И *ñaabuɔduməni*_{по-нганасански}

04 Х *hüəti d'əjuru* "ñimənpəu"_{всё время по тундре!} ---((продолжает по-нганасански))

Х. начинает по-русски, так как это родной язык И., а с русскими нганасане всегда говорят на их языке. Тем не менее, Х. переходит на нганасанский, убедившись, что это подходящий выбор для собеседника (строки 02–03). Это переключение можно назвать переключением «по договору», когда участники ситуации заранее договорились о языке разговора (ср. также пример 1).

У нганасан в русской речи не бывает нганасанских вкраплений и альтернирующего использования обоих кодов. Используются только междометия типа *хие-моу!* (удивление) *обэй!* (горестное удивление). В речи нганасан на нганасанском языке встречаются немаркированные, то есть никак не выделяющиеся в потоке речи вкрапления, повторяющиеся в определенных контекстах: это числительные, названия месяцев, названия советских реалий, а также наречия степени, например, (*совсем* [са'сем]), некоторые союзы и частицы и несколько глаголов, которые адаптируются при помощи нганасанских морфем. Вкрапления такого типа всегда отвечают требованию грамматической эквивалентности на границах переключения кода (Equivalence constraint, Poplack 1979/1980).

Частотные вкрапления можно отнести к частичному языковому смешению по следующим причинам: 1) у них нет отмеченного собеседниками (включая говорящего) значения в каждой конкретной коммуникативной ситуации, поэтому они не являются собственно переключением кода, 2) они достаточно регулярны в нганасанской речи, несмотря на то, что есть соответствующие эквиваленты в нганасанском. Именно наличие таких эквивалентов и их редкое использование не позволяет говорить о смешанном языке.

Пример 5. Двое пожилых мужчин, присутствует исследователь (2012 г.).

01 Нк *təti kanə stadə isüə ihütü?* *tij,*

сколько же стад было у вас?

02 Нт *mij stadəmu?* *isüə* ↓*босем.*

У нас стад было восемь.

03 Нк *ə, kanə, sitiðətə,*

сколько? Восемь,

04 Нт *ə*"ə

да

05 Нк *o?! ñaagəə?* *təəgümü?*

о! порядочно! (букв.: хорошие те-ведь)

Оба говорящих употребляют русское заимствование, пришедшее во времена совхозов, *stadə* 'стадо', фонетически и морфологически адаптируя его в нганасанском (строки 01–02). Нт. использует русское числительное (строка 02). Этот переход

на русский (фонетически оформленный по-нганасански), очевидно, не связан с дискурсивными функциями, так как в других случаях говорящий не употребляет русских слов. Русское числительное не требует морфологического оформления и не нарушает законов матричного языка. Нк. поправляет своего собеседника, повторяя числительное по-нганасански. Отчасти это стремление к пуризму связано с присутствием исследователя, которой, по мнению Нк., надо показать «чистый» нганасанский.

В следующем примере рассказчик — нганасанка L. (род. в 1940-е гг.), ее слушают несколько нганасанских женщин, ее сверстниц. Присутствует та же исследовательница.

Пример 6. Несколько пожилых нганасанок (присутствует исследователь). L. рассказывает им о недавних событиях (2003 г.)

- 01 L: ---Zvonirsüəm. tətī N. ñakələsïəm.
---я звонила. Эту Н. [русское ж. имя] нашла.
- 02 əʔəj! **соседи**-t'ə sīlījuna?
[говорю] соседи твои кто?
- 03 munud' uəm təʔ d'ed'imtī **не знаешь?**
говорю, отца его знаешь?
- 04 **знаю** munud' uə
Знаю, — говорит.
- 05 təñiʔiə munugəj
так скажи,
- 06 **вертолёт**-tənu maagüə ñuənəsatu
на вертолёте чтобы отправил [он]

L. использует основу глагола *звони-* с нганасанскими маркерами времени, числа и лица (строка 01). Таким же образом грамматической аккомодации подвергается русское существительное *соседи*, которое заимствовано во множественном числе и к которому присоединен соответствующий множественному числу обладаемого притяжательный суффикс (строка 02); та же форма множественного числа и у предикатива *sīlījuna-ʔ*. Так же к существительному *вертолет* присоединен суффикс нганасанского локатива (строка 06). Эти вкрапления не функциональны на уровне дискурса. Два глагола с русской морфологией *не знаешь* (строка 03) и *знаю* (строка 04), напротив, несут дискурсивное значение — они отмечают прямую речь говорящей и ее респондента, которая была сказана в описываемый момент прошлого либо полностью либо большей частью по-русски, поскольку респондент N. — молодая девушка, представляющая поколение, не говорящее уже по-нганасански. Таким образом, L. маркирует и разницу языков старшего и младшего поколений.

Хотя глаголы оформлены в соответствии с русской морфологией, они не нарушают общего грамматического строя матричного языка, являясь вершинами само-

стоятельных глагольных групп и семантически сочетаясь в лице и числе с подразумеваемым подлежащего. Эти два вкрапления следует отнести к переключению кодов, в то время как аккомодированные русские существительные и глагольная основа по своему статусу ближе к смешанному языку.

Как и выше в примере (3), в современном нганасанском есть элементы разных стадий языковых контактов. Они разные по структуре, но основной тип соединения двух языков — это краткие русские вкрапления в нганасанской речи.

5. Выводы

Мы рассмотрели типологию языковых контактов по Ауэру. Суть ее в том, что интерактивно функциональное переключение кодов может постепенно перейти в смешение кодов и далее в смешанный язык. Процесс отнюдь необязательно дойдет до конца. Крайнее проявление языковых контактов в виде смешанного языка редко. Важная особенность типологического процесса в том, что он однонаправленный и не может повернуться вспять, а также в том, что по своему характеру он не дискретен, а континуален, а значит, явления перетекают в последующую фазу так, что между фазами невозможно провести границу.

Процессы типологической схемы были проанализированы на примерах из уральских языков, максимально удаленных друг от друга географически: финского (прибалтийско-финская группа) и нганасанского (северносамодийская группа). Оба эти языка находятся в контакте с русским, но по-разному: для русских, постоянно живущих в Финляндии, финский — язык, который используется почти во всех сферах их жизни; русским же они пользуются в ограниченном кругу общения. Для нганасан русский — язык, который используется повсюду, а нганасанский только в общении с некоторыми сверстниками (только с определенного возраста, молодежь не говорит по-нганасански) или более пожилыми людьми. В обеих группах говорящих анализ был нацелен на стратегии использования социально более влиятельного языка в дискурсе на языке с ограниченной сферой использования, финского в русском и русского в нганасанском. На эти языки участники ситуации переключаются по уговору, начиная новый тип общения (примеры 1 и 4). Обе группы говорящих используют немаркированные вкрапления, аккомодированные в матричном языке. Пример (3) демонстрирует островные вкрапления и альтернации, включающие как отдельные существительные, так и глагольные группы. По типу большинство случаев этого примера находятся между переключением и смешением кодов.

Следует отметить, что стиль зависит от коммуникативной ситуации. В случае с русско-финским материалом это интервью. Интервью, хоть и неформальное, — ситуация, самая невыгодная для переключения кодов, которое является, с точки

зрения монолингвов, явным отклонением от традиционных норм. И тем не менее, переключение кодов происходит даже в такой полуформальной ситуации.

В дискурсе нганасанско-русском говорящие одного поколения используют разные стратегии переключения кодов: это довольно короткие русские вкрапления в нганасанском, которые адаптируются с помощью нганасанских морфологических средств и не имеют функциональной нагрузки, а также островные фрагменты русского, которые значимы в структуре дискурса.

Сокращения и условные обозначения в записи примеров

Я1 язык 1

Я2 Язык 2

[Одновременные реплики двух участников разговора (одинарная квадратная скобка)
((продолжает по-нганасански)) В двойных скобках комментарии по стилю разговора

hhhh смех

>> << Такими стрелками обозначена фраза, произносимая ускоренным темпом.

↓ понижающаяся интонация

↑ повышающаяся интонация.

Литература

- Беликов, В. И., Л. П. Крысин 2015. *Социолингвистика*. 2-е издание. Москва: Юрайт.
- Вахтин, Н. Б., Е. В. Головкин 2001. *Социолингвистика и социология языка*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета.
- Auer, Peter 1984. *Bilingual Conversation*. Amsterdam: John Benjamins.
- Auer, Peter 1992. Introduction: John Gumperz's Approach to Contextualization. In: Peter Auer & Aldo Di Luzio (eds.): *Contextualization of Language*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 1–38.
- Auer, Peter 1998. From codeswitching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech. *Interaction and Linguistic Structures* 6: 3–27. = Auer 1999. *International Journal of Bilingualism*, Vol. 3 no 4: 309–332.
- Auer, Peter (ed.) 1998. *Code-Switching in Conversation. Language, Interaction and Identity*. London & New York: Routledge.
- Auer, Peter 2013. Language mixing and language fusion. When Bilingual becomes monolingual. *Congruence in Contact-induced Language Change. Language Families, Typological Resemblance and Perceived Similarity*. De Gruyter: 294–333.
- Bakker, Peter 1997. "A language of our own": *The genesis of Michif, the mixed Cree-French language of the Canadian Métis*. (Oxford studies in anthropological linguistics, 10.) Oxford & New York: Oxford University Press.
- Belazi, Heidi, Edward Rubin & Almeida Jacqueline Toribio 1994. Code switching and X-Bar theory: The functional head constraint. *Linguistic Inquiry* 25 (2): 221–37.

- Boretzky, Norbert & Birgit Iгла 1994. *Wörterbuch Romani – Deutsch – Englisch für den südost-europäischen Raum. Mit einer Grammatik der Dialektvarianten*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Clyne, Michael 1987. Constraints on code switching: how universal are they? *Linguistics* 25: 739–964.
- Clyne, Michael 2003. *Dynamics of Language Contact: English and Immigrant Languages*. Cambridge University Press.
- Clyne, Michael 1967. *Transference and Triggering*. The Hague: Nijhoff.
- Di Scullo et al. = Di Sciullo, Anne-Marie, Pieter Muysken and Rajendra Singh 1986. Government and code-mixing. *Journal of Linguistics* 22: 1–24.
- Giles, Howard, Nikolas Coupland, & Justine Coupland 1991. Accommodation theory: Communication, context, and consequence. In: H. Giles, J. Coupland, & N. Coupland (eds.): *Contexts of Accommodation: Developments in Applied Sociolinguistics* (Studies in Emotion and Social Interaction.) Cambridge: Cambridge University Press, 1–68.
- Golovko, Evgeniy 1994. Mednij Aleut or Copper Island Aleut: an Aleut-Russian mixed language. In: Peter Bakker and Maarten Mous (eds.): *Mixed Languages: 15 case studies in languages intertwining*. Amsterdam: IFOTT, 113–121.
- Golovko, Evgeniy 2003. Language Contact and Group Identity: The Role of ‘Folk’ Linguistic Engineering. In: Yaron Matras and Peter Bakker (eds.), *The Mixed Language Debate*. Berlin, New York: de Gruyter, 177–209.
- Gumperz, John J. 1982. *Discourse strategies*. Cambridge University Press.
- Halmari, Helena 1993. Structural relations and Finnish-English code switching. *Linguistics* 31, 1043–1068.
- Haugen, Einar 1956. Bilingualism in the Americas. Bibliography and Research Guide. *Publication of American Dialect Society*, No 26. University of Alabama Press.
- Hymes, Dell Hathaway 1972. Models of the interaction of language and social life. In: J. Gumperz & D. Hymes (Eds.), *Directions in sociolinguistics: The ethnography of communication*, New York: Holt, Rhinehart & Winston, 35–71.
- Hymes, Dell Hathaway 1973. Toward linguistic competence. *Working Papers in Sociolinguistics*. 16.
- Labov, William, & Joshua Waletzky 1997. Narrative analysis: Oral versions of personal experience. *Journal of Narrative & Life History*, 7(1-4): 3–38.
- Leisiö, Larisa 2001. Morphosyntactic Convergence and Integration in Finland Russian. *Acta Universitatis Tamperensis 795 / Acta Electronica Universitatis Tamperensis 85*. Tampere: Tampereen yliopistopaino.
- Muysken, Pieter 1981. Halfway between Spanish and Quechua: The Case for Relexification. In: Arnold Highfield and Albert Valdman (eds.): *Historicity and Variation in Creole Studies*. Ann Arbor: Karoma Press, 57–78.
- Myers-Scotton, Carol 1992. Comparing codeswitching and borrowing. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 13: 19-39.
- Myers-Scotton, Carol 1993. *Duelling Languages. Grammatical Structure in Codeswitching*. Oxford: Clarendon Press. [Переиздана издательством Oxford University Press 1997 г.]
- Myers-Scotton, Carol 1998. A way to dusty death: the Matrix Language turnover hypothesis. In: Lenore A. Grenoble and Lindsay J. Whaley (eds.), *Endangered Languages: Language Loss and Community Response*. Cambridge: Cambridge University Press, 289–316.

-
- Pfaff, Carol W. 1979. Constraints on language mixing: intrasentential code-switching and borrowing in Spanish-English. *Language* Vol. 55, 2: 291–318.
- Poplack, Shana 1979. Sometimes I'll start a sentence in Spanish Y TERMINO EN ESPANOL: Toward a typology of code-switching. *Language Policy Task Force*, New York, Paper No 4 (= *Linguistics* 1980, 18: 581–618).
- Sebba, Mark & Tony Wootton 1998. We, they and identity. Sequential versus identity-related explanation in code-switching. In: Auer (ed.) 1998: 262–289.
- Thomason, Sarah Grey 2001. *Language Contact. An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Weinreich, Uriel 1967 [1953]. *Languages in Contact*. The Hague: Mouton.
- Woolford, Ellen 1983. Bilingual Code-switching and Syntactic Theory. *Linguistic Inquiry*, 14, 3: 520–36.

